

да. С детства я слышана о своих предках, среди которых были сенаторы, действительные тайные советники, историки, археологи, искусствоведы, даже один Герой Советского Союза, а также писатели и поэты. Это я веду к тому, что всем известные сестры Цветаевы тоже из наших. Со слов папы, они дальние родственницы, ну а насколько дальние, это уже не важно, да и папа на этих несущественных деталях никогда особо не останавливался.

Папина речь была изящной и ажурной, он так умел складывать звуки в слова, а слова — в предложения, что создавалось полное впечатление его причастности к поэтам Серебряного века. У папы как будто был свой индивидуальный доступ к волшебной сокровищнице русского языка, которой он распорядился очень умело, в нужное время вытаскивая откуда-то из глубин самые драгоценные и нужные слова, оборачивая их, словно конфетку, в красивый необычный фантик, а потом выдавал такие утонченные и эффектные обороты речи, что у окружающих немедленно захватывало дух.

Папа убеждал нас с мамой, что, когда происхождение обязывает, нужно обязательно следить за тем, что говоришь и как говоришь. Но сам он не следил. У него был особый дар выражать мысли так, что это пробирало до самого сердца. Папа был настоящим выходцем из прошлого столетия, он был пропитан духом поэзии, к тому же иногда и сам сочинял талантливые строки. Папа был человеком немного несовременным, эмоциональным и одухотворенным, умеющим растворять чужую иронию и с легкостью предотвращать конфликты; постоянно изучающим и стойко охраняющим долгую историю нашего интереснейшего рода. Ногами он ходил по земле, а голова его блуждала в космосе.

Сколько помню себя, отец часто разговаривал стихами Марины Цветаевой, и мне кажется, что ее великолепную поэзию я вобрала в себя еще в глубоком детстве. У нас даже игра такая была, папа начинал любую строчку из ее произведения, а я заканчивала. Ему очень нравилось, когда я делала стрижку с короткой челкой. Папа говорил, что сходство с великой поэтессой необыкновенное — гены дают о себе знать.

Любимым лакомством у нас дома был цвета-

евский пирог с абрикосами и черешней, известный как коронное блюдо семьи с далеких времен; оно подкупало волшебным вкусом и простотой приготовления. И я, и мама знали рецепт наизусть и могли приготовить пирог в мгновение ока — главное, чтобы были черешня и абрикосы. Поэтому с детства и до сих пор лето для меня ассоциируется именно с этим потрясающим десертом, тающим во рту и приятно хрустящим на зубах рассыпчатым слоено-песочным тестом с нежными кусочками фруктов, утопающими в пене воздушного сметанного крема. Мы с удовольствием могли есть этот фантастический кулинарный шедевр на завтрак, обед и ужин. Все это были традиции семьи, которые ненавязчиво становились нормой нашей жизни. Папа считал, что великий и благородный род Цветаевых обязан существовать вечно. Когда он женился, то сразу поставил маму перед фактом, что хочет иметь трех сыновей — продолжателей династии, но родилась я, и на этом претворение папиных планов в жизнь, увы, завершилось.

Родных братьев и сестер у папы тоже не было. Все отчетливее маячила опасность затухания нашей семейной веточки, о чем папа регулярно сокрушался, не забывая добавлять фразу про надежду, которая ни в коем случае не должна умирать, и при этом бросал на меня красноречивые взгляды.

Он был известным кардиологом, заведующим кафедрой в медицинском институте, и это единственное, что быстро возвращало его на землю. Свою профессию папа любил и, уходя на работу, всегда мимоходом юморил, что пошел решать «дела сердечные». Мама говорила, что всего в жизни отец добился сам, а папа, наоборот, с хитрой улыбкой частенько признавался, что во всем виновата фамилия: она ему помогает, мотивирует и тащит вперед, да и известные корни с родственными связями никуда не деваются. Обычно такие вещи скрывают, а папа, наоборот, не понятно зачем, не стеснясь, выставлял напоказ.

Родни у папы было великое множество, только жили все очень далеко. Папа периодически передавал мне от них приветы и рассказывал про каждого удивительные истории с непостижимыми тайнами и волнующими

приключениями, роковыми случайностями и досадными неудачами, с обязательным последующим извлечением полезных уроков, с умением в итоге преодолеть себя и получить заслуженный, ошеломляющий всех вокруг успех. Я знала всех Цветаевых по именам, иногда они присылали для меня по почте разные подарки, почти всегда угадывая мои пожелания. Никого из них я никогда не видела, но всегда ощущала себя частью чего-то большого, дружного и единого, готового в любой момент броситься на помощь. Я всегда знала, что Цветаевы — это моя опора и защита. Я гордилась тем, что ношу эту фамилию.

И вот тебе, пожалуйста, человек с фамилией Оладушкин пожаловал в мою жизнь, как будто в наказание за все мои детские насмешки и за чрезмерную гордость своим происхождением. И откуда он только взялся на мою голову, этот Оладушкин-Оладушкин, да еще и необыкновенно красивый черт, без конца стреляющий глазами в мою сторону, рискуя свернуть себе шею...

Через пару недель мы поняли, что нам вместе весело и интересно, через месяц мы уже не могли оторваться друг от друга, через два я поняла, что не могу без него дышать. Не помню, кто первый предложил жениться, но решение по этому поводу было принято сразу и единогласно. Во Дворце бракосочетаний, обнимаясь и бесконечно хихикая, мы заполняли заявление на вступление в брак под суровым взглядом местной тетеньки, всем своим видом напоминающей грозную овчарку. Когда дошли до определения фамилии, которую я буду носить после брака, веселье мое оборвалось, и я беспомощно посмотрела на своего жениха. Не уловив моих внутренних терзаний, Оладушкин уверенно написал на нужной строчке свою фамилию.

Известие, что Мария Цветаева и Федор Оладушкин через месяц создадут новую ячейку общества, мои родители восприняли без негатива и даже открыли по этому поводу бутылку шампанского, искренне пожелав счастья. Самое грустное началось после ухода Федики, когда до папы дошло, что новая семья будет носить фамилию Оладушкины.

Нет, папа не заламывал руки и не кричал. Все

чувства и переживания были написаны на его лице, а оно едва подавало признаки жизни — лишь слегка подрагивали ресницы.

— Оладушкина? И дети будут Оладушкины? — единственное, что смог вымолвить папа, находясь в состоянии полного потрясения.

Мне срочно захотелось замариновать мясо в феназепаме, зажарить его и быстрее съесть, заодно накормив папу. Мама начала говорить что-то о Фединых родителях, которые могут обидеться, о том, что у каждой семьи существует своя история их фамилии, но папа не слушал. Он напряженно думал о чем-то своем. Смотреть на него было больно.

На следующий день я поговорила с Оладушкиным и объяснила ситуацию. Он засмеялся и заявил, что не нужно делать проблему там, где ее нет, и при желании я могу оставаться Цветаевой. Более того, если я обещаю родить двоих детей, то мы можем дать им разные фамилии, только первый будет точно Оладушкин. Я подпрыгнула от счастья, расцеловала Федику и помчалась срочно возвращать отца к жизни.

— Папа, вопрос решен! Скорее расправляй свои крылья и снова летай! — закричала я с порога.

— «Крылья — это свобода, только когда раскрыты в полете, за спиной они — тяжесть», — привычно ответил папа словами Цветаевой и счастливо улыбнулся.

— Я остаюсь Цветаевой и буду продолжать нашу фамилию! И точка! И больше никакой тяжести за плечами!

Подготовка к самому важному в жизни событию — к свадьбе, которая наложилась на сложную сессию, — закрутила нас немислимым водоворотом. Мы постоянно куда-то бежали, о чем-то договаривались, решали миллион вопросов, а по ночам зубрили экзаменационные билеты.

Мне кажется, что мы выдохнули только в день свадьбы. Выкуп невесты, белое платье, фата, цветы, подружки, шампанское, Дворец бракосочетаний и, наконец, та самая тетенька-«овчарка», которая принимала наше заявление, — только теперь она была абсолютно другой: улыбчивой, праздничной и доброжелательной, скорее напоминающая французскую

болонку, усиленно виляющую хвостом. С радужной улыбкой на лице она объявила нас мужем и женой и поздравила с рождением новой семьи... Оладушкиных.

Немая сцена... Вжик! Удар молнии — и в голове мысли стали врезаться друг в друга. Мы забыли исправить эту злополучную графу про фамилию в своем заявлении. Решение приняли, а исправить забыли, закрутились, завертелись и ни разу не вспомнили об этой формальности. Тетенька продолжала искренне улыбаться вместе с Федькиными родителями, а я боялась обернуться назад и посмотреть на папу. Наконец кинула взгляд на него: он, конечно, держался... Улыбался и даже шутил, но глаза выдавали его состояние. «Шутим, шутим, а тоска все растет, растет...» — кажется, так было у Цветаевой, и это точно про папу.

Свадебный праздничный вечер отвлек меня от грустных мыслей, очень быстро переключив на срочное решение проблем, которые начали вдруг вылетать как из рога изобилия.

Мы попали со своей женьбой в тот самый непростой, строгий период безалкогольных свадеб, когда водку продавали по талонам. Полагалась одна бутылка на члена семьи в месяц. Оладушкины «копили» водку, подключив все свои родственные связи. Папа к вопросу добычи этого товара повышенного спроса подключил сотрудников кафедры и всех, кого только было возможно. Водка в то время была своеобразной валютой, ее можно было на что-то обменять, ей можно было расплатиться, ее было трудно достать, но в экстренных случаях всегда можно было купить у таксистов по тройной цене. Путем невероятных совместных усилий необходимое количество драгоценного напитка в итоге было добыто и доставлено в кафе накануне праздника вместе с другими дефицитными продуктами. Родители вернулись довольные и сообщили, что подготовка к свадьбе там идет полным ходом: всё готовится, жарится, парится и режется.

К началу торжества мы приехали в наше кафе, расположенное в историческом центре города, оказавшееся обычной столовкой с витающим специфическим запахом прокисших и пережаренных хлебных котлет. Посто-

янно снующие среди гостей габаритные тетки в замасленных фартуках и накрахмаленных высоких колпаках напоминали трех толстяков из детской сказки, но отличались от них быстрыми и ловкими движениями. Еды на столах почти не было. Стояло несколько тарелок с жесткими холодными съезжившимися курицами, судя по всему, умершими собственной смертью от недостатка питания. Колбаса и сыр, привезенные из столицы специально для торжества, были порезаны тончайшими кусочками, но их было до неприличия мало. Куда делись остальные продукты, было совершенно не понятно. Оголодавшему взгляду гостей было совершенно не на чем отдохнуть на нашей «скатерти-самобранке».

Мама бросилась разбираться с кухней, а папа искать водку, которую выставлять на столы категорически запрещалось, поскольку всем свадьбам было положено быть исключительно безалкогольными. Я искала глазами тамаду, но и его тоже не было.

Что же за день такой сегодня? Какое-то испытание на прочность молодой семьи и их ошалевших от навалившегося набора недоразумений родителей! Голодные гости ходили вокруг полупустого стола в ожидании команды «начинать», а я, подобрав край длинного свадебного платья, нарезала круги в поисках нашего ведущего, но никаких признаков его присутствия не находила. К счастью, появились друзья Оладушкина по общежитию и подключили музыку, заверив нас, что дискотека обязательно будет. Стало веселее, и я немного выдохнула. Через несколько минут Федька сообщил мне, что водка находится в большом самоваре, возвышающемся в центре стола. Об этом незамедлительно были оповещены все гости, и пузатый самовар, начищенный до зеркального блеска, быстро начал набирать популярность.

Роль тамады взяла на себя мать Федькиного свидетеля, работающая последние двадцать лет инспектором по делам несовершеннолетних. Ее речь была очень деловой, четкой, отрывистой и излишне громкой, как будто мы находились на военном параде, и еще отличалась отсутствием даже намека на самое скромное чувство юмора. Впечатление, что мы совершили плохой поступок и сейчас нам при-

дется за него непременно расплачиваться, не оставляло меня до конца вечера.

Отсутствие нормальной закуски и вместительный самовар — символ гостеприимства и русского духа, наполненный водкой, сделали свое дело очень быстро. Народ опьянел и начал выяснять отношения. Короче, как на любой приличной свадьбе, без драки не обошлось. Доцент с папиной кафедры, прекрасный кардиолог Николай Иванович, интеллигентнейший человек, знакомый мне с детства, неожиданно сцепился с врачом-рентгенологом не на жизнь, а на смерть. Они катались по полу с красными лицами, плевались, попутно царапая друг друга лица и отрывая лацканы пиджаков.

Разнимал их дальний родственник Оладушкиных — сантехник Василий, оказавшийся в этих вопросах самым опытным, сообразительным и проворным. При этом он причитал, что свадьба свадьбой, а кому-то начинать все равно надо было, и что не так страшно пропустить удар, как оставить его без ответа.

Мордобой людей заметно сблизил, и они еще долгое время обсуждали увиденное. Папа от всего этого хватался за голову и убегал решать очередные вопросы то с кухней, то с водкой, то с подравшимся Николаем Ивановичем, у которого на фоне произошедшего началась аритмия.

В конце вечера всем захотелось выпить напоследок чаю, и кто-то несведущий добавил в наш чудо-самовар заварки и залил все это кипятком. Этот адский горячий напиток добил гостей окончательно. Свадьба начала петь и плясать с утроенной энергией, зажигая всех вокруг и оставляя многообразие ярких, хоть и не очень трезвых впечатлений.

Обратный путь оказался тоже нестандартным. Всю свадьбу, включая жениха с невестой, загрузили в большой автобус и стали развозить по домам. Танцы продолжились в автобусе среди тех, кто еще мог как-то двигаться. Потом народ плавно перешел на песни. Причем чем меньше народу оставалось, тем громче и слаженней пели.

Когда в автобусе, кроме моих родителей и нас с Оладушкиным, уже никого не было, папа протяжно затянул: «Ладушки-оладушки, где были? — У бабушки. — Что ели? — Кашку. — Что пили?

— Бражку!» И я вдруг увидела, что мой папа тоже пьян. Он очень грустно и старательно выводил каждое слово этой, казалось бы, веселой песни, подперев голову рукой, максимально сосредоточившись и собрав в себе всю неразбериху сегодняшнего дня, печаль и радость воедино.

Вот так не просто появилась на свет наша новая семья, но любой, даже самый счастливый и очень тяжелый день когда-нибудь заканчивается. Закончился и этот, оставив после себя итогом Марию Оладушкину как подтверждение того, что все это мне не приснилось. Не могу сказать, что на мне это как-то сильно отражалось в первое время, так как ведомости в деканате никто не менял и я пока для всех по-прежнему оставалась Цветаевой.

Первый раз я прочувствовала свою новую фамилию на вручении диплома. Меня вызвали раза три, а я не реагировала и, только когда поняла, что Оладушкина — это про меня, двинулась к сцене. Я шла, а в голове моем sireны гудела моя новая фамилия. И все внутри меня возмущалось, кричало и стонало, но самое ужасное — мне было неловко и даже стыдно перед окружающими. Мне казалось, что все вокруг меня жалеют, обсуждают, и я ничего не могла с этим поделать.

Рожать нашего первенца я тоже пошла в статусе Оладушкиной, и ситуация повторилась. Я по-прежнему вжимала голову в плечи в ожидании, что меня назовут по фамилии, и в сотый раз вспоминала рассказы отца про всех наших знаменитых родственников и все отчетливее понимала, что хочу обратно, к Цветаевым. Я хочу быть снова Цветаевой. Федька, как всегда, не возражал, и я помчалась в загс менять фамилию.

В кабинете сидела все та же женщина с лицом, напоминающим недобрую собаку, которая нас когда-то женила. На всех свадебных фотографиях она сияла широкой открытой улыбкой, а сейчас с осунувшимся усталым лицом перебирала какие-то свои бумаги, не обращая на меня никакого внимания. Я улыбнулась и громко поздоровалась. Женщина подняла глаза, выслушала проблему и без эмоций сунула мне листок для написания заявления. Среди причин, объясняющих смену фамилии, я написала и про

династию, и про то, что я последняя Цветаева в нашей родовой ветке, и про то, что отец — известный врач, а это мне обязательно поможет в профессии, и про то, что фамилия Оладушкин неблагозвучная и мне не подходит. Слегка сморщив нос, сотрудница загса читала мою бумагу, водя пальцем по строчкам. Дойдя до аргументов, казавшихся мне неоспоримыми, она вдруг стала повторять одну и ту же фразу.

— Это не причина... это тоже не причина... это совсем не причина...

— Да как же не причина?! — взорвалась я. — Фамилия неблагозвучная!

— Вот у меня утром приходил Вырвиглаз, хочет взять фамилию жены, и я его понимаю, вчера была Гадючка, — женщина перебирала заявления на столе, — вот Сухозад. А Оладушкина — фамилия благозвучная и даже очень милая. Не занимайтесь ерундой, девушка, пожалуйста.

— Но я не могу жить с такой фамилией! Мне плохо! У меня психоз начинается!

— Тогда приносите справку от врача-психиатра! Это будет основанием для смены фамилии, — тетенька снова погрузилась в свои бумаги, всем своим видом показывая, что разговор на этом окончен и мой семейный вопрос на сегодня закрыт.

Получается, что для счастья нужна только справка от психиатра, дожили! Я вышла из загса, села на лавочку, закрыла глаза, откинулась назад, подставляя лицо весенним солнечным лучам, и стала вспоминать, кто из наших выпускников имеет хоть какое-то отношение к психиатрии. Решение пришло молниеносно: ну, конечно, Шурик Презерман, по кличке Презер. Он, кстати, в отличие от меня, свою фамилию любил и ею гордился, не обращая внимания на насмешки однокурсников. Все в его семье были известными врачами Презерманами, а мама всю жизнь работала в психиатрии. Шурик отправился по ее стопам и в этом году заканчивал интернатуру. Вот интересно, фамилия Презерман по мнению тетеньки из загса считалась бы благозвучной или нет?

Шурик спустился в регистратуру поликлиники психоневрологического диспансера, внимательно меня выслушал и задал только один вопрос: «Оладья не против?» Я неистово замотала

головой, всем своим видом показывая, что не против. Через пятнадцать минут Презерман принес мне нужную справку, в которой указывалось на мое пограничное состояние с повышенной тревожностью, эмоциональной неустойчивостью и склонностью к импульсивным действиям из-за неприятия новой фамилии. В рекомендациях четко была прописана смена фамилии с целью улучшения качества жизни и предотвращения усугубления процесса.

«Мне пришлось завести на тебя карточку, но не переживай, я придумаю, как аннулировать ее через пару месяцев!» — добавил на прощание Шурик и пожелал мне удачи.

Тетенька из загса не ожидала меня увидеть снова так быстро. Она нехотя взяла мое заново написанное заявление и с нарастающим раздражением начала свою песню про «не причину». Но когда дошла до пункта о моем психическом статусе, то лицо ее моментально изменилось: куда-то ушла строгость, вялость и недовольство, проступили знакомые черты веселой болонки. Удивительно, как быстро и легко леди-загс умела перевоплощаться и менять образы, у нее были однозначно артистические способности плюс громадный опыт работы на одном месте. Может быть, это издержки ее профессии, когда нужно уметь быть то торжественной и улыбчивой, то строгой и жесткой.

Она чуть осипшим голосом попросила справку и наконец-то подняла на меня глаза, в которых мелькнуло подобие испуга, как будто я могу на нее неожиданно напасть в своем неуправляемом припадке.

— А вот это действительно причина, — прошептала она и заискивающе улыбнулась мне.

«Ну ладно, так и быть, сегодня тебя убивать не буду!» — подумала я с допустимой дозой позволительного ехидства и уверенно улыбнулась ей в ответ.

Через месяц я поменяла все документы и снова стала Цветаевой.

Папа умер в день, когда я вернула фамилию. Сказали, что оторвался тромб. У меня было впечатление, что он просто не справился с радостью или просто решил, что его основные цели и задачи в этом мире теперь выполнены.

А может быть, это такое трагическое совпадение, но от этого совсем не легче. Нужно было срочно заниматься организацией похорон и сообщить о трагедии нашим бесчисленным родственникам. Мама сидела напротив меня и, покачиваясь, молча смотрела в одну точку.

— Мама, где все адреса, телефоны родственников? Я уверена, что все приедут. Ты уже сообщила им?

— Да нет никаких родственников... Нет никаких Цветаевых, — мама вытащила из горы документов потрепанную бумагу в файлике и протянула мне. — Из детского дома он. Подбросили в мае, когда сирень цвела, поэтому и Цветаев. Папа как будто боялся, что мы будем меньше его любить, если узнаем эту тайну. Я все это давно обнаружила, но молчала, не могла, да и не хотела разрушать его мир. Теперь вот пришло время и тебе все узнать. Нужно принять решение, что ты теперь будешь говорить своему сыну...

— Что папа говорил мне, то и я буду говорить своим детям, — не задумываясь ни на секунду, ответила я. — Да, скоро на свет появится еще один ребенок, и фамилия у него обязательно будет Цветаев. Он будет знать все про наших великих родственников и научится декламировать известные стихи с любого места. Наш великий род обязательно должен и будет продолжаться!

Мама посмотрела на меня внимательно и впервые за это время улыбнулась.

МЕТАМОРФОЗЫ

рассказ

Перед отпуском я отработал последний день в своем любимом травматологическом отделении областной больницы, плотно закрыл дверь своего кабинета заведующего и торжественно объявил коллегам, что на две недели перестаю существовать, причем не только для них, но и для всех пациентов. Такое было впервые за мою двадцатипятилетнюю врачебную историю. Обычно я всегда был на телефоне, продолжая консультировать, контролировать и рекомендовать. Было время, когда я давал свой номер всем нуждающимся, бросался на помощь после первого же телефонного звонка и даже не задумывался о правильности такого поведения. Поначалу меня это забавляло и радовало, придавая весу в собственных глазах от каждого такого телефонного звонка. Понимание того, что я нужен людям, наполняло смыслом мою жизнь, повышало самооценку. Мне очень нравилось спасать, помогать, быть в курсе. Но «по мере взросления» со мной начали происходить странные метаморфозы. Нет, ощущение нужности от постоянного нахождения на «переднем крае» не ушло, но стало слегка утомлять.

За первые годы работы у меня появилась целая когорта постоянных пациентов, считающих удобным и нормальным обращаться ко мне в любое время, по любому поводу и без него. Я тоже к ним привык, почти как к родственникам, и продолжал курировать долгие годы, поскольку был твердо уверен в своей ответственности «за тех, кого приручил», но давать свой телефонный номер новым пациентам давно перестал. Пациентов своих я больше помнил по диагнозам, поэтому у меня в телефоне они значились с намеком на их травматологический анамнез: Иван Иванович — «Терминатор», ему я ставил одну из первых в моей практике титановых пластин после тяжелой черепно-мозговой травмы; Инна Семеновна — «Спица» — у нее проводилась репозиция кости рекордным количеством хирургических спиц; Павлик — «Вывих» — с привычным вывихом плеча; «Таз» — имя его я давно забыл, но собранные когда-то по кусочкам его тазовые кости отчетливо помнил. Половина моей телефонной книги — это пациенты.

Не понимаю, что со мной произошло в последнее время, но появилось ощущение, словно внутри что-то

перещёлкнуло, переключилось, и я впервые понял, что не могу больше быть на посту в любое время дня и ночи. Хочу отдыха от всего: от работы, от высокого звания врача, от бесконечных советов и разговоров с пациентами на тему, что для них лучше, а чего делать ни в коем случае нельзя, и выслушивания рассказов про стул, мочу, семяизвержение, климакс и аллергию. Хочу полной перезагрузки и обновления. Отпуск — это когда тебя всё должно отпустить: проблемы, быт, начальство, профессия. Сколько себя помню, на отдыхе мы с женой всегда кого-то лечили. Стоило только кому-то из нас неосторожно признаться, что он врач, как тут же приходилось погружаться в истории болезней окружающих людей.

В этот раз точно никакого телефона, никаких вопросов, никаких новостей! Даже под дулом пистолета ни за что и никому не признаюсь, что я врач. Только синее море, белый песок и ласковое солнце. А ещё спать, спать, спать...

Мне сразу полегчало от принятого решения. От предвкушения скорой поездки, сборов и приятной суеты настроение заметно улучшилось, и я отправился домой. Заехал по дороге за бутылочкой «Просеко». Чтобы отпуск удался, его нужно обязательно отметить.

Машка открыла дверь с заплаканными глазами и сообщила, что ее уволили. За двадцать лет совместной жизни я ни разу не видел жену в таком отчаянии. Умница и отличница, правильная и спокойная, воспитанная в духе альтруизма, гуманизма и бесребреничества советской медицинской школы, работающая с четвертого курса института на скорой помощи, прошедшая ад девяностых с нищенскими зарплатами и не позволившая себе ни разочка усомниться в правильности выбранного пути, стояла передо мной с опущенной головой. Она напоминала надломленный одуванчик с безвольно повисшими руками-стебельками. Машка лила слёзы. Ее светлая пушистая голова в мелких кудряшках слегка чуть вздрагивала, отчего подрагивали и её завитки с легкой рыжиной. Я в каком-то трансе смотрел на этот странный танец Машкиных локонов, пытаюсь принять и переварить информацию.

— Все, не могу больше! Хватит, ухожу из меди-

цины! Точка. Предел. Устала от жалоб, оскорблений, недовольства и ненависти, — она всхлипывала уже пореже и тише.

— Да что случилось-то в конце концов? За что уволили?

— За драку. Я избил пациентку. Вернее, я ее не била, а только за горло схватила, но сильно. Она даже захрипела — то ли от неожиданности, то ли от боли, — и следы остались...

Я медленно опустил на мягкий пуфик в прихожей, не в силах допустить, что с моей безобидной и выдержанной женой могло произойти подобное. Она никогда не ругалась. Да что там говорить! Я не помню, чтобы она голос когда-нибудь повышала. Ее речь обычно напоминала тихий убаюкивающий шелест листвы и действовала на меня гипнотически. Я никак не мог поверить в случившееся и только от растерянности по-дирижерски разводил руками.

— ...Последнее дежурство перед отпуском, по закону подлости, было ужасным, — начала рассказывать Машка, немного успокоившись. — Полный обвал вызовов, тяжелые пациенты, острые животы, два инфаркта... как назло, забитая машинами дорога... Весь день на грани фолла. Очередной вызов — на двенадцатый этаж! А лифт не работает! Поднимаемся пешком, как взмыленные лошади, периодически останавливаемся передохнуть, чтобы не выпрыгнуло сердце. И вот на лестничной клетке у своей двери стоит женщина... С идеальной прической, с ярким макияжем, в бархатном спортивном костюмчике, вся в стразах... Снимает нас на телефон и весело, я бы сказала, с элементами мазохистского задора, комментирует: «Вот смотрите, как наша хваленая скорая помощь на вызов торопится! За сорок минут, что я мучаюсь, можно было уже сорок раз умереть! И, заметьте, никто из них даже не думает извиниться, никто даже не прибавил ходу! Клятву Гиппократата тоже, наверное, подзабыли!» — Маша вздохнула, посмотрела мне в глаза, будто искала в них поддержку. — Нет, я промолчала, конечно, — продолжила рассказ она. — Не среагировала на эти унижения, выслушала миллион ее невнятных жалоб на все органы и системы. Смогла понять только то, что ей отчего-то плохо и мы должны тут же разобраться. ЭКГ, сахар, давление — все в

норме. Угрозы для жизни нет, выглядит — дай бог каждому. Она продержала нас больше часа, задавала дурацкие вопросы по всем своим мнимым болячкам. Требовала расписать варианты лечения и рекомендации чуть ли не на всю оставшуюся жизнь. Периодически она упоминала известные в городе фамилии, намекая, что расплата за «плохое обслуживание» ее персоны прилетит незамедлительно.

Дальше с бригадой спешим на следующий вызов. Кругом — пробки. А в другом конце района молодая девушка попала под колеса автомобиля. И не успеваем. Если бы смогли оторваться от этой наглой тетки раньше, то успели бы. Но мы опоздали. Девушка лежала в неестественной позе, такая худенькая... Совсем ребенок, с яркими фиолетовыми волосами... как эльф лесной... Ещё тёплая, будто живая. Рядом валялись ее кроссовки, тоже фиолетовые, с яркими белыми бабочками... Вокруг уже толпились зеваки, кричали, что мы долго ехали, что мы твари бессердечные и во всем виноваты. Кто-то толкнул меня в спину так сильно, что я упала коленями на асфальт... под ушат словесных помоев. А я ведь понимаю, мы могли бы успеть, если бы не эта дрянь в стразах! Задержала нас ровно на одну жизнь! Ведь мог бы у этой девочки быть шанс на будущее! Пусть маленький, но мог!

Только закончили с погибшей девочкой, нам передали повтор на прежний адрес, снова к «стразам». Диспетчер сообщила, что пациентка чем-то недовольна, настроена воинственно и жалуется на качество оказания медицинской помощи. Едем. Молчим. Никак не можем отойти от смерти «фиолетовой девочки». Выть хочется, но молчим. Опять знакомый дом, все тот же неработающий лифт, подъем по лестнице на двенадцатый этаж, снова мадам в бархатно-стразовом великолепии... с телефоном в руках и с подругой из «группы поддержки». Новая съемка с издевательскими комментариями про нашу нерадивость и безалаберность... Вошли в квартиру. Отчего-то я в кухню заглянула, а там... открывая бутылка шампанского на столе... Вот тогда я и поинтересовалась про повторный повод для вызова. «Да бумажку вашу куда-то засунула, где вы назначения написали. Что-то никак найти не могу. Напишите еще од-

ну!» — хохотнула эта баба, дыхнув на меня алкоголем. И я не сдержалась. Впервые в жизни не сдержалась. Я схватила ее за горло и прижала к стене. Она не ожидала. Веселье мигом у нее улетучилось. Рот открыла так широко, будто челюсть от удивления отпала... потекла слюна. У меня так-то слабоватые руки, но в тот момент как будто в меня бесы вселились и силы удесантировались, — призналась мне Маша и умолкла.

Я смотрел на свою жену — стройную и воздушную во всех отношениях, начиная от «весовой категории» и заканчивая исключительным умением легко общаться с кем угодно — от дворника до профессора. Представить ее за выяснением отношений почти на кулаках было невозможно.

Машка почувствовала мои сомнения и для убедительности добавила:

— Я только тебе могу признаться, что целилась в ее самодовольную сытую морду, просто из-за невысокого роста достала только до горла. У меня до сих пор перед глазами та несчастная «фиолетовая девочка» на асфальте, ничего не могу с собой поделать. Мне казалось, что у меня давно иммунитет на подобные ситуации, а оказывается, нет. Ну, дальше все было быстро и просто. Высокие связи оказались реальными, а я — свободной как ветер, да еще и с выговором, и с приказом об увольнении с указанием на несоответствие занимаемой должности. Да, была призрачная возможность остаться, если я принесу извинения пациентке. Но я отказалась. Принципиально. Как вспомню про нее, так снова руки чешутся.

Мы с Машкой потихоньку перебрались на кухню. Я молча открыл отпускную бутылку брюты и наполнил фужеры.

— Надо же, сегодня все пьют шампанское! Кто за что!.. — жена немного успокоилась и уютно устроилась в кресле, подобрав под себя ноги.

Мы приняли совместное решение о работе больше не говорить, чтобы не портить настроение перед отдыхом. Хотя что там можно было еще испортить?.. Я предложил полностью переклеститься: перезагрузиться, сосредоточиться на отдыхе и постараться в этот раз никому не говорить про свою настоящую профессию. Предположим, будем выдавать себя за учителей биологии и труда, например из Саранска. Это

нас развеселило, перенастроило и включило в новую забавную игру.

В Турции, на пляже нашего чудесного отеля, напоминающего замок принцессы Будур из сказки про Али-Бабу, — с изящными островерхими башенками, бойницами и арочными балкончиками, — мы буквально в первый же день познакомились с парой из Тюмени примерно нашего возраста. Жора и Света отдыхали здесь уже несколько дней.

Мы с Машкой представились им учителями биологии и труда, а они по иронии судьбы оказались учителями физкультуры и музыки из обычной средней школы. На первом же совместном ужине мы сразу договорились про школу не говорить ни слова, дескать, уж очень она всем надоела за прошедший учебный год.

Жора и Света сразу посвятили нас во все тонкости местного отдыха, начиная от ритуалов турецкой бани с ее мыльными массажами и пилингами, заканчивая лучшими местными ресторанами с морепродуктами. Мы вместе встречали раннее утро на пляже, совершая сумасшедшие заплывы за буйки под громкий свист спасателей, а вечером провожали день, отплясывая на ночной пенной дискотеке. Компанией мы катались на яхте, дегустируя местные напитки. В общем, веселились от души, обсуждая любые темы, кроме школы.

Периодически ко мне на трубку пытались прорваться пациенты, но я строго следовал намеченному плану полной изоляции от профессии. Мы заканчивали очередную партию в волейбол, когда мой валяющийся в шезлонге телефон начал в очередной раз истерически вибрировать и издавать громкие протяжные звуки. Дремлющий рядом Жорик в конце концов не выдержал: приоткрыв один глаз, бросил ленивый взгляд на трубку и оповестил весь пляж, что мне звонит какая-то «Спица». Минут через пять телефонный вызов повторился, и Жорик уже с интересом сообщил, что теперь «Газ» ищет со мной разговора.

— Слушай, это фамилии или погоняла? Или это чёрный юмор учителя биологии? — усмехнулся он.

— Это мои женщины с их самыми выдающимися частями тела! — таинственно подмигнул я.

А что я мог ответить своему новому другу? Не рассказывать же про обострившийся геморрой родственницы «Таза» или про неожиданное выпадение волос у кота «Спицы». Телефон Жорика, кстати, тоже не безмолвствовал. При каждом звонке Жора уходил гулять по берегу моря, попутно подолгу о чем-то вещая в трубку.

И вот опять, заслышав мелодию вызова на своем телефоне, Жора схватил его и заторопился отойти подальше от наших ушей.

Жена Света заметила его отсутствие. Так что, когда супруг вновь появился у шезлонга, спросила:

— С кем ты опять так долго говорил? — Она повернулась на спину, подставив свой коричневый живот очередной порции южного солнца.

— Министр соскучился! — с торжественным видом сообщил Жора, подмигнул и уточнил: — Премьер-министр!

— Не пугайтесь! Это он маму свою так называет! Она наш семейный командир, не спрятаться от нее и не скрыться. — Света повернулась на бок и напомнила мне курочку гриль.

Наше расставание с ребятами было ярким и одновременно грустным. Мы обнимались и едва ли не признавались друг другу в любви, понимая, что изрядно скрасили отдых друг другу. Вряд ли сможем встретиться когда-нибудь вот такой компанией, всё-таки слишком велико расстояние между нашими городами. А жаль...

Машка за две недели пришла в себя: успокоилась, загорела, похорошела, поняла, что однозначно любит свою профессию и не хочет ее менять. Домой она вернулась совсем другим человеком — эмоционально собранным, наполненным новыми силами и желанием двигаться дальше.

Мы с женой обсуждали открывшуюся вакансию врача в кардиологическом отделении нового диагностического центра и возможность попасть туда с учетом имеющейся неприятной записи в трудовой книжке.

В диагностический центр Маша позвонила на другой день после нашего возвращения из отпуска. Вакансия была еще не занята, моей жене назначили собеседование.

На эту встречу я пошел с ней — в качестве представителя группы поддержки, так сказать.

На двери кабинета главного врача висела табличка, информирующая о часах приема по личным вопросам. Пожелав Маше удачи, я остался ждать в приёмной. Едва сев на диван, вспомнил, что резюме жены осталось в моем портфеле. Я достал бумагу, подошёл к двери, за которой скрылась Маша, и, заглянув в кабинет, обомлел: во главе длинного стола из массива в кресле важно восседал... Жора! Тот самый «учитель музыки из Тюмени», с которым мы расстались всего пару дней назад. Он от души хохотал на пару с моей женой.

— Метаморфозы! Высший пилотаж! Названивающий по телефону министр, как я понимаю, единственный, кто был настоящим?! — воскликнул я и присоединился к общему веселью.

Вот на этом месте занавес истории о том, как Машка нашла новую интересную работу, по всем законам жанра должен быть опущен.

К слову, веселая спутница Жоры оказалась Светланой Никитичной Хреновой, строгой и грозной заведующей отделением эндокринологии, которая держит в страхе весь диагностический центр, а также своего мужа и троих замечательных детей. Но это уже совсем другая история.

КУКЛА

рассказ

Она владела техникой оригами и бисероплетения, прекрасно вышивала крестиком, играла на скрипке, пела в хоре, танцевала в народном ансамбле и знала наизусть все-го Пушкина. Мне вообще сложно сказать, чего не умела делать моя одноклассница Верочка Смирнова. На праздниках у нее всегда был лучший наряд. Ее прическа, обычно представлявшая собой хитросплетение локонов, прядей и косичек, была произведением искусства и примагничивала взгляды окружающих.

И все это благодаря ее маме Нателле Аркадьевне, которая с первого класса таскала дочку по разным кружкам и развивала ее как могла. Для Верочки делалось все, что можно было только придумать. Нателла Аркадьевна принимала активное участие в жизни класса и присутствовала на всех наших школьных мероприятиях. Верочка во всем чуть-чуть уступала маме: в спорах, в активности, в уверенности и в скорости принятия решений.

Глядя на них, можно было сразу сказать, что это мама и дочка. Обе яркие кареглазые брюнетки, очень похожие лица, но с разной геометрией. Все линии Верочкиного лица были мягкими и плавными. Она была очень мила: широко распахнутые глаза, пухлые губы, аккуратный носик.

Черты лица Нателлы Аркадьевны были более резкие, даже хищноватые. Угадывались грузинские или абхазские корни. Но в целом она выглядела настоящей роковой красавицей с царственной осанкой. Внешность у нее была необычная и завораживающая. Она напоминала мне птицу Феникс из детского фильма. Однозначно красавица, но на любителя. В ее лице сквозило что-то аристократическое и притягивающее внимание. Даже когда она улыбалась, ее глаза с необычным миндалевидным разрезом оставались серьезными, а взгляд как будто проникал внутрь тебя.

Я впервые попала к ним в дом классе в шестом. Большая квартира, красивая мебель, посуда, которая меня потрясла. Мы обедали в центральной комнате за большим овальным столом, покрытым накрахмаленной белой льняной скатертью с вышивкой. Суп наливали из супницы, расписанной сине-голубыми узорами, что произвело тогда на меня неизгладимое впечатление.

В моей семье ели обычно на кухне, которая размером была гораздо меньше Верочкиного туалета. Отец, не вставая

из-за стола, доставал рукой и до кастрюли, стоящей на плите, и до холодильника.

Здесь же все было по-другому: ложечки, вилочки, салфеточки, хрустальная сахарница и бутерброд с икрой. Я тогда была в полном восторге и даже не старалась его сдерживать. Я восхищалась и хозяйкой, и икрой, и сахарницей. Верочкин папа периодически отрывал взгляд от газеты, смотрел на меня и задумчиво молчал. Он работал главным врачом самой большой в городе больницы и считался очень важным и серьезным человеком.

Мы с Верочкой хохотали и обсуждали, в чем пойдем на предстоящий новогодний вечер. Мы собирались сделать костюмы Арлекино и придумать совместный номер для выступления, поэтому попросились переночевать вместе у меня дома.

— Нет, ты будешь Снегурочкой, Вера. Это уже решено, и костюм есть. И давай раз и навсегда договоримся: никаких ночевок у подружек. Ишь чего придумали, — Нателла Аркадьевна жестко, одной фразой остановила наше веселье.

— Я не хочу быть Снегурочкой. Я хочу сама сделать себе костюм и придумать номер. — Верочка пыталась сопротивляться, а я ее поддерживала как могла.

— Снегурочка — это центральная роль. Простое ты еще маленькая и не все понимаешь. Кто как не мама знает, что для тебя лучше. Я же живу для тебя. Ты моя кукла любимая! Что хочешь, то с тобой и делаю! — Нателла Аркадьевна поднялась со своего стула, подошла к дочери сзади и, крепко обняв за плечи, поцеловала в пухлую щечку.

На празднике Вера была самой красивой Снегурочкой на свете, а меня больше в гости не приглашали.

Ситуация изменилась к выпускному классу, когда стало понятно, что я иду на медаль. Верочка мне шепнула, что ее родители считают общение со мной полезным, хоть мы все эти годы и так продолжали дружить. Как-то я встретила Верочку с мамой на улице, они шли от репетитора. Обе были не в настроении, озлобленные какой-то проблемой.

Оказалось, что Верочкиному пониманию никак не дается второй закон термодинамики и

они с репетитором топчутся на нем уже третье занятие. Я взяла длинную ветку и на снегу очень быстро и доступно рассказала, как это понимаю я. До Верочки мои объяснения дошли с первого раза и без промедления. Мы прыгали от радости и валялись на снегу, исписанному формулами.

Нателла Аркадьевна задумчиво смотрела на нас, а потом пригласила меня к ним домой на чай с плюшками, и я сразу согласилась.

Верочкин папа, вернувшийся вскоре с работы, очень долго и обстоятельно со мной разговаривал о выборе профессии. Было решено, что мы будем готовиться к поступлению вместе и обе пойдем на лечебный факультет медицинского института.

Теперь мы делали упор на одни и те же предметы, а после школы Верочка, как правило, тащила меня к себе. Мы вместе учили уроки, вместе ели, вместе гуляли.

А потом моя подруга неожиданно влюбилась. Димка Столешников по кличке Сталлоне действительно чем-то напоминал известного актера. Он был веселый и искренний, но троечник и из очень простой семьи. Первая любовь и его накрыла с головой. Казалось, что вся эта возня с поступлением в вуз его совсем не волновала; никто не знал, куда он собирался идти и собирался ли вообще. Все Димкины мысли были только о Верочке.

Нателла Аркадьевна переживала, что все это случилось очень не вовремя. О какой такой любви может идти речь, когда на носу поступление в институт! Верочкины родители считали Димку, внезапно ворвавшегося в их спокойную распланированную жизнь, наглым хулиганом. Каждый день начинался и заканчивался разговорами, что он ей не пара, но Верочка в ответ только смеялась и ничего не хотела слышать.

По вечерам мои одноклассники часто встречали прогуливающих под руку Верочку с Димкой, а в десяти метрах позади, тоже под руку, шли неторопливым шагом ее родители. Это вызывало смех, домыслы и провоцировало разного рода шутки.

Я боялась, что резкий и обычно не переносивший никаких подколов в свой адрес Сталлоне обязательно кому-нибудь навешает и будет драка. Но он ничего не замечал вокруг. В его

жизни теперь была только Верочка. Мне казалось, что от прогулок в сопровождении такого «конвоя» можно свихнуться, но влюбленным было откровенно начхать на нарезающих вокруг них круги родителей и издевки одноклассников. Они видели только друг друга, а остальное их совершенно не касалось.

Однажды по просьбе Нателлы Аркадьевны, когда Верочка была у репетитора, я забежала к ним домой. Она налила кофе в изящную фарфоровую чашку цвета ванили, поставила передо мной хрустальную конфетницу с трюфелями и села напротив, о чем-то задумавшись. Она молчала, и я молчала. Пауза затягивалась. Я поняла, что Нателла Аркадьевна хочет поговорить о чем-то важном и продумывает разговор.

— Тебе нравится этот хулиган? Я о Диме Столешникове, — начала неторопливо мама моей лучшей подруги.

— Главное, что он нравится Верочке, — улыбнулась я в ответ, разворачивая трюфельную конфетку.

— В этом ты права... Это действительно главная проблема... Но ты же понимаешь, что он совсем ей не пара. Верочка и сама это обязательно поймет, но уже будет потеряно слишком много драгоценного времени. А время, как ты понимаешь, бесценно, — Нателла Аркадьевна бросила на меня пронзительный взгляд птицы Феникс и подлила мне кофе. — Я никогда ни о чем тебя не просила. Ты близкий нашей семье человек. Ты любишь Верочку и, надеюсь, что так же, как и мы с папой, желаешь ей счастья. Мне нужна твоя помощь. И Вере нужна твоя помощь. Нужно разорвать эту порочную связь немедленно, — ее лицо мгновенно утратило мимику и стало каменным. От ее тяжелого взгляда у меня застучало в висках. — Попробуй увлечь Хулигана, а если получится, то увести от Веры. Мы не последние люди в этом городе. Мы поможем тебе поступить в институт. Ты же знаешь, что в медицинский сумасшедший конкурс. А на карте — твое будущее, и оно обязательно будет прекрасным.

Я пыталась собраться с мыслями для достойного ответа, но все мысли разбежались и от собрания уклонялись. Каким-то седьмым чувством

я понимала, что категорично отказываться нельзя, но и соглашаться с этим изящно поданным планом предательства моей лучшей подруги тоже невозможно.

— Вы меня, конечно, извините, но в институт я надеюсь поступить сама. К тому же у меня и свои амурные дела имеются, и я не могу и не хочу их испортить, — соврала я, поставив фарфоровую чашку на стол, и поспешила домой.

В дверях Нателла Аркадьевна натянула улыбку, поправила прядь жгуче-черных волос, выбившуюся из пышной прически, и доверительным голосом произнесла:

— Давай представим, что нашего разговора не было или просто о нем забудем, как будто у нас с тобой амнезия! Ты ведь знаешь, что это такое? Как будущему медику, тебе обязательно нужно это понимать! Амнезия — это потеря памяти. И пусть на этот разговор у нас с тобой будет полная амнезия!

На ближайшей школьной дискотеке вокруг Сталлоне начала активно увиваться Танька Тараканова из параллельного класса. Кто-то из наших сообщил, что она неожиданно для всех засобиралась поступать в медицинский, хоть училась очень слабо. Она то приглашала Димку танцевать, то предлагала вместе выпить что-то из спиртного. Танька была красивая, с копной кудрявых каштановых волос, откровенным декольте и пышной грудью. Верочку, как назло, куда-то увела на разговор классная руководительница, а Тараканова шла в лобовую атаку, используя все свои прелести. А наш Сталлоне не дрогнул ни на секунду. Он веселился, перекидывался шутками с Танькой, но преданно ждал Верочку.

— ...Ты замечаешь, что от Димки плохо пахнет? — как-то спросила меня подруга. — Родители постоянно об этом говорят. Мы как-то зашли к нам после соревнований, так мама два дня квартиру проветривала. Называют его вонючкой. Говорят, что теперь определяют по запаху, заходил он к нам или нет. И что если я выйду за него замуж, то в моей квартире будет вечно вонять. А я ничего не чувствую, но теперь постоянно приноживаюсь и все время об этом думаю.

Я не знала, что ответить. Никакой вони я не

чувствовала. Дурной запах пробивался со стороны Вериных родителей, которые любыми путями пытались устранить Димку.

Мы с Верочкой стали студентками медицинского института, а Тараканова экзамены, как и задание Нателлы Аркадьевны, провалила. Сталлоне, к всеобщему удивлению, поступил в политех на кораблестроительный факультет. Такого финта от него никто не ожидал. Больше всех были потрясены родители Верочки, которые в мыслях давно его проводили в армию.

А потом у Димки серьезно заболела мама, очень серьезно. Нужна была сложнейшая операция и определенная клиника, попасть в которую не было никакой возможности. И еще очень были нужны деньги, которых тоже не было. Димка метался, нервничал, искал разные пути решения проблемы. Время шло, маме становилось все хуже, хоть попадание в нужное место на операцию давало реальные шансы на жизнь.

Его вопрос решился одним днем, он взял академический отпуск и уехал вместе с мамой. Верочка переживала, плакала, каждый день бегала к почтовому ящику, но писем не было.

Нателла Аркадьевна сначала пыталась успокаивать ее, потом уговаривала взять себя в руки, но ничего не получалось.

— Ну почему?.. Почему он даже не сказал мне, куда везет маму и кто ему помог?.. — все время твердила Вера. — Ну зачем от меня-то это скрывать? Почему не пишет совсем?

— Не пишет, значит, не нуждается в тебе, — сухо говорила Нателла Аркадьевна, призывая прекратить страдания. — Хватит, Вера. Пора уважать себя. Он больше не вернется. Нужно попытаться все забыть. Есть волшебное слово «амнезия». Включай амнезию на то, что нужно выкинуть из памяти. Умей перелистнуть эту страницу и жить дальше.

Верочка стала жить дальше. Она делилась со мной, что испытывает странные ощущения, как будто ее тело и душа существуют отдельно друг от друга и никак не встретятся, как будто она больше не чувствует красок жизни и просто на автомате ест, пьет и учится. Она часто за-

думывалась о чем-то своем и не сразу отвечала на вопросы.

Через некоторое время возле нее стал постоянно крутиться сын заведующего кафедрой терапии Льва Григорьевича Наполенского. Младшего Наполенского все звали Бонапартом из-за уверенного вида, маленького роста и фамилии, явно отдающей чем-то наполеоновским. Вера не обращала на него особого внимания, а он всегда находился рядом с ней — с цветами, вечными соплями и брюками, натянутыми до подмышек.

— Ты его еще не представила маме? — как-то поинтересовалась я.

— Да что ты! Это мама представила его мне. Считает очень хорошей и выгодной партией. Сказала, что ее любимая кукла, ее принцесса должна жить по-королевски и только с Бонапартом.

Родители Верочки начали подготовку к свадьбе и делали это как само собой разумеющееся. Нет, они не спрашивали у дочери, хочет ли она замуж и что она вообще по этому поводу думает. У них все уже было давным-давно решено. Они просто ненавязчиво что-то обсуждали в присутствии Верочки, вслух размышляли, где лучше жить молодоженам и в какое путешествие поехать в медовый месяц. Родители жениха приходили к ним в гости все чаще и чаще. Все привыкали друг к другу и к необходимости быть теперь всем вместе. Про любовь никто не вспоминал.

На концерте в студенческом клубе мы познакомились со старшекурсниками. Они постоянно рассказывали какие-то смешные истории, хохмили и подтрунивали друг над другом, а мы хохотали, как в былые времена, до боли в скулах.

Я с радостью заметила, что моя подруга наконец-то оттаяла и выглядит великолепно. Именно в тот день она познакомилась с Мишелем. На самом деле он был просто Мишкой. Но все его звали Мишелем или Майклом.

От него и правда исходило что-то западное. Он был как житель другой цивилизации. Высокий, стройный, темноволосый, с великолепной фигурой и с яркими синими глазами в обрамлении длинных темных ресниц — таких длинных,

что нам, девчонкам, хотелось потрогать, чтобы проверить — не покрашенные ли они. «Как с обложки иностранного журнала», — пронеслось в моей голове, когда впервые увидела его.

Они прекрасно смотрелись в паре с Верой. И представить вместо него рядом с подружкой Бонапарта я уже ну никак не могла. И сама моя подруга — тоже.

Их отношения с Мишелем закрутились в одночасье. Вера ничего не говорила родителям, но наступил момент, когда день свадьбы с Бонапартом был назначен. Продолжать скрывать Мишку от всех и дальше уже было невозможно.

По просьбе Верочки я пришла к ним на обед для ее поддержки в трудную минуту. Все было как обычно: белоснежная красивая скатерть, столовое серебро, хрустальная сахарница, папа с газетой.

— Мне нужно сказать вам что-то важное, — начала робко Вера. — Я встретила человека, которого полюбила, и я не выйду замуж за Бонапарта.

Над столом повисла мертвая тишина, не предвещающая ничего хорошего. Я сразу же пожалела о том, что согласилась участвовать в этой сцене. Мне стало холодно до такой степени, что начали постукивать зубы; мне захотелось немедленно свалить отсюда в свою уютную теплую хрушевку и пить чай из старого дедушкиного стакана с металлическим подстаканником, заедая рафинадом из коробки.

Нателла Аркадьевна на какое-то время зависла в нелепой позе над расписанной синей эмалью супницей, потом медленно опустилась на стул. Папа отложил газету и переводил тяжелый взгляд с дочки на жену и обратно. Меня начало трясти крупной дрожью, которую я едва сдерживала.

— Это все твое попустительство! Разбаловала ребенка! Что скажут Наполенские? И, самое главное, что теперь мы скажем им? — отец Веры в сердцах смял газету и бросил ее на стол.

— Ты знаешь, что может быть хуже испорченной репутации? — обратилась Нателла Аркадьевна к дочери и почему-то посмотрела на меня немигающими, слегка помутневшими глазами птицы Феникс.

— Две испорченные репутации, — попыталась пошутить я, но получилось как-то нелепо и жалко.

— Мы изо всех сил пытаемся организовать твое счастье, а ты все время сопротивляешься, постоянно преподносишь нам дурацкие сюрпризы. — Нателла Аркадьевна сдерживала себя из последних сил.

— Счастье — это когда люди, которые тебе не подходят, к тебе не подходят, — Верочка еще пыталась что-то объяснить родителям.

А дальше началось страшное. Сквозь обычную ледяную надменность Нателлы Аркадьевны начало прорываться пламя, и оно разгоралось все сильнее и сильнее. Она металась по комнате, что-то кричала, махала руками. Ее глаза стали черными от гнева. Мне показалось, что она на грани безумия. В какой-то момент ее взгляд уткнулся в меня, на секунду промелькнула какая-то осознанность, и она попросила меня уйти, что я с удовольствием и сделала. Уже в дверях я бросила взгляд на Верочку, которая так вжалась в стул, что почти слилась с ним.

На следующий день я позвонила подруге узнать, как дела. Отец сказал, что ее нет дома. В институт она тоже не пришла ни на следующий день, ни через неделю. Ничего не понимающий Мишель безрезультатно бегал по городу в ее поисках. А еще через несколько дней ему позвонила незнакомая женщина и сказала, что у нее есть для него записка от Веры.

Оказалось, что Верочка вторую неделю сидит под замком в своей комнате, лишенная связи с внешним миром. И эту записку с номером телефона Мишки она сумела выкинуть в окно под ноги совсем посторонней женщины. Мишель помчался к Верочке домой, но был выставлен оттуда в грубой форме. Тогда он обратился в милицию и пришел уже с участковым. Выкинуть участкового родители не решились, и тогда они выкинули Верочку.

Она ушла с Мишкой в чем была — в домашнем халате и тапочках, без копейки денег и даже без сменных трусов.

Вера пыталась устроиться жить в общежитие, но все время что-то мешало. Потом они нашли какую-то маленькую каморку для дворников и поселились в ней. Мишель начал

по утрам мести улицу, а мы всем курсом собирали Верочке вещи — кто что может. Она смеялась и говорила, что выглядит теперь как самая настоящая дворничиха.

Когда я увидела ее в первый раз после нашей разлуки, то, честно говоря, слегка онемела. Цветастая хлопчатобумажная кофта была заправлена в синтетические штаны странного цвета с сиреневыми переливами. Прикрывал все это огромный пиджак мужского фасона в мелкую клеточку. На ногах были босоножки размера на три меньше, чем нужно, с торчащими наружу пальцами. И самое страшное — это волосы. Они были коротко острижены и создавали впечатление недавно перенесенного тифа. Верочка была не Верочка. О том, что это чудо-юдо когда-то называли куклой, было представить сложно.

— Волосы твои где? — это единственное, что смогла вымолвить я.

— Не было денег на парикмахерскую, меня Мишель подстриг. Так рука взяла. Не беда, отрастут! — искренне улыбнулась Верочка.

Глаза ее сияли, и мне показалось, что она совсем не обращает внимания на все эти несущественные мелочи. Вера с Мишкой были погружены в состояние беспричинного затяжного счастья. Ни к деньгам, ни к вещам, ни к окружающим людям это все не имело никакого отношения. Счастье было в моменте того, что рядом есть любимый человек, что появилась надежда на завтра. Они пребывали в такой эйфории, когда летают не только бабочки в животе, а когда летаешь сам и удивляешься, почему не летают все вокруг. Такое абсолютное счастье — в сущности и в перспективе...

Потом кто-то написал жалобу, и их быстро выселили из той каморки. Продолжилась пора мытарств и поисков жилья. Мишка устраивался на работу медбратом, а через пару месяцев его выгоняли по непонятным причинам. Спасала ночная разгрузка вагонов, но после этого идти на занятия в институт было просто нереально. Верочка после учебы сидела с чьим-то ребенком и подрабатывала почтальоном. Но мысли о возвращении к родителям не допускала.

Нателла Аркадьевна несколько раз искала со мной встречи около института, а потом пришла

ко мне домой. Разговаривала она вкрадчивым тихим голосом, просила донести до Веры информацию, что они с папой готовы ей все простить и принять ее обратно. Ответа она не получила ни от меня, ни от Верочки.

И тогда Мишеля отчислили из института после несданного экзамена по терапии на кафедре Наполенского. Он учил от зубов, знал предмет, пытался несколько раз его пересдать, но шансов у него не было никаких...

Профессор Наполенский с довольным видом весело крутил в руках Мишкину зачетку и с издевкой желал ему больших успехов в защите необъятных рубежей нашей родины. Мишель не растерялся и тоже с улыбкой сообщил профессору о своем врожденном аортальном пороке сердца, зафиксированном во всех медицинских документах, с которым в армию не берут. Буквально через неделю Мишку вызвали в военкомат. Информации по его заболеванию вдруг оказалось недостаточно, и Мишеля положили в больницу на новое освидетельствование.

Все вокруг говорили, что армия для него неизбежна и что против лома нет приема. «Ты снайпер моей души!» — шептала Верочка Мишке в ухо, а сама пыталась потихоньку приучать себя к новой жизни без него. Армия висела над ними как дамоклов меч, но вдруг им несказанно повезло.

Заведующий отделением, где лежал Мишка, неожиданно воспротивился жесткому давлению «сверху» и идущему оттуда руководству к действию. Он категорически отказался ставить вердикт «здоров и годен» на Мишкиных документах, заявив, что грех на душу брать не хочет и не будет. От такой неожиданной радости Верочка и Мишель сбегали в загс и расписались, объявив себя всем вокруг мужем и женой. Общественное от души гуляло два дня, ибо не было в нашем институте ни одного человека, который бы не знал их почти шекспировскую историю.

Потом мы с Верочкой немного потерялись. Меня закрутила своя личная жизнь, да и в институте произошло перераспределение. Я ушла в хирургию, а Вера осталась в терапии. Мы виделись, но уже не так часто. Знаю, что Мишель через год восстановился в институте, они доучились и уехали работать к нему домой в Белоруссию.

Нателлу Аркадьевну я случайно встретила на улице лет через десять. Она шла тяжелым медленным шагом и не сразу меня узнала. А когда поняла, кто я, сразу потащила к себе пить чай.

Мы сидели напротив друг друга, как в старые добрые времена. Она пополнела и постарела, волосы цвета воронова крыла посветлели от седины. Все ее черты перестали быть такими острыми и резкими, как раньше. Прежними остались только глаза необычного разреза со взглядом, проникающим внутрь. Она долго смотрела на меня, словно оценивая, что стоит мне рассказать, а что нет. На стене висел огромный портрет юной Верочки. Она смотрела на нас с обезоруживающей улыбкой и заставляла улыбаться в ответ.

— Утром просыпаюсь с ней, вечером засыпаю с ней, молюсь на нее. А что мне еще делать?.. — неторопливо начала свой рассказ мама моей подруги. — Муж умер три года назад прямо на рабочем месте. Инфаркт. В этом безусловно есть и ее вина. Он очень переживал за нашу девочку. Сама я тоже нездорова. Но мы ее простили за все, что она с нами сделала. Мы ведь даже смогли их вернуть сюда из Белоруссии, обоих устроили работать в больницу к отцу на хорошие зарплаты, поселили в соседней квартире, внучке садик пробил. Конечно, я пыталась открыть Верочке глаза на массу Мишиных недостатков, но она ничего не хотела слушать. Мы пробовали контролировать его и даже иногда следить, муж подсылал к нему на дежурство то собутыльников, то разбитных медсестер с активной жизненной позицией. Да-да, представляешь, и он даже стал себе позволять алкоголь на работе. Еще немного — и дожали бы мы его и с бабами. А кто как не мать может правильно позаботиться о своем ребенке? Ведь все это только для Верочки, только для нее, родной.

— Тараканову случайно не приглашали? — не сдержалась я.

— Надо же, а память у тебя, оказывается, хорошая. Никакой амнезии не наблюдается. А ведь Миша хоть и не сразу, но все-таки начал выпивать. Знаешь, алкоголь — это всегда плохо, даже в конце рабочего дня. Мужу тогда сразу донесли, что Миша с анестезиологом опрокинули по паре рюмок. Вот он и позвонил ему, экспром-

том. Сообщил, что с Верочкой плохо, что подзревает острый живот. Миша, конечно, сразу сорвался домой. Мы хотели, чтобы его гаишники пьяного поймали и прав лишили, но он до них не доехал. Взял и разбился. Насмерть. Вера после этого уехала в неизвестном направлении вместе с дочкой, совсем с нами перестала общаться. А ведь это всего лишь нелепая случайность. Виноватых нет, только он сам...

Нателла Аркадьевна умерла в своей квартире в полном одиночестве. Вера на похороны не приезжала. Я ее встретила только через несколько лет на вечере встречи выпускников нашего класса. На двадцатилетие окончания школы собрались все. Приехал даже Сталлоне, успешный, богатый и благоухающий французским парфюмом.

Верочка как будто знала, что он тоже придет, и почти не удивилась его появлению.

— Димка, — бросилась к нему Вера, — куда же ты пропал тогда?

— Уехал маму лечить. Ты не могла об этом не знать — твои же родители с клиникой помогли и с деньгами. Помощь тогда пришла, откуда мы ее совсем не ждали. До сих пор их с благодарностью вспоминаю. Поговорить только с тобой перед отъездом не получилось, тебя тогда срочно на помощь к бабушке отправили. Но я письмо для тебя передал и потом много писал, пока не получил ответ от Нателлы Аркадьевны, что ты собираешься замуж.

— Это они собирали меня замуж! Из серии «без меня меня женили». Правильно говорят, нет ничего лучше воспоминаний, да и ничего хуже их, наверное, тоже нет. Чехов, кажется. — Верочка молча достала из сумки пачку писем, связанную бечевкой, и протянула Димке. — Возьми, у родителей вчера нашла, в маминной тумбочке хранились. Все твои. Ни одного я не получила. Честно говоря, и читать не стала, не хочу раны беречь. Вот почему вранье всегда побеждает? Потому что правда всегда ограничена, а вранье границ не имеет? Маму-то хоть вылечил?

— Мама до сих пор жива и все время рядом, живет в моей семье.

— Вера, а почему ты не приезжала хоронить свою мать? — задала я давно мучивший меня

вопрос. — До сих пор не можешь из памяти выбросить плохое?

— Скорее наоборот, просто амнезия случилась. Такая полная амнезия на все, что когда-то было, — ответила она.

После вечера мы неторопливо возвращались домой вместе с Верочкой, разговаривали, пытались осознать все случившееся с нами за эти годы. По привычке зашли к ней на чай в квартиру родителей. Все было вроде как прежде и на своих местах, но скатерть выглядела потрепанной и пожелтевшей, вместо столового серебра лежали ложки из «Икеи», треснувшая сахарница стояла на своем месте по центру стола, но была пуста. Детский портрет Верочки привычно улыбался со стены.

Из Верочкиной комнаты выскочила худенькая, темненькая симпатичная девочка лет тринадцати в ярком красном платьице, со сложными хитросплетенными косами, красиво уложенными вокруг головы.

— Это Наденька, дочка, кукла моя любимая! Играет в шахматы, шашки, поет в хоре, занимается в драмкружке, отличница! — Вера подошла к ней сзади и, обняв за плечи, поцеловала в пухлую щечку. — Люблю ее сильно! Что хочу с ней, то и делаю!

Девочка посмотрела на мать, улыбнулась и стала очень похожа на ту маленькую Верочку из

шестого класса, которую я хорошо помнила. Она выглянула в окно и попросилась у матери выйти во двор погулять с детьми.

— Никуда ты одна не пойдешь! — произнесла Верочка изменившимся голосом, не терпящим возражений. На лице ее появилась неприятная гримаса, черты стали резче, губы вытянулись узкой полоской, глаза сощурены. — Я тебе уже говорила, что все прогулки только в моем присутствии. Глаз да глаз за тобой нужен. Только я знаю и понимаю, что тебе нужно. Кто как не мать может правильно позаботиться о своем ребенке, — чужим холодным тоном продолжила Верочка. — И никаких эсэмэсок, никаких ночевок с подружками, а то ишь чего придумали. И подружек нашла себе непонятных, как будто вокруг нет приличных семей.

«Птица Феникс возродилась!» — мелькнуло в моей голове, и у меня, как когда-то в детстве, застучало в висках...

□

Марина Игоревна СОЛОВЬЕВА

родилась и живет в Нижнем Новгороде.

Окончила Горьковский медицинский институт.

Врач.

Пишет прозу.

Автор книги «Усохни, перхоть, или

Школа, которой больше нет» (2021).

Публиковалась в журнале «Нижний Новгород»

и в альманахе «Земляки».

В журнале «Север» публикуется впервые.

